

порвать с византийской «игемонией» и нового, еще более трагического, кровавого конца «лживого епископа Федорца». Все это не могло не взволновать умы, не вызвать опасного общественного брожения. Масштаб «митрополичьей неправды» во многом и определил ярость удара, нанесенного Андреем Киеву в 1169 г. Северный самовластец странно мстил митрополиту и его столице — жестокому грабежу были подвергнуты киевские церкви и монастыри. Не только политический, но и церковный престиж Киева был непоправимо подорван. Pamфлет против Федора имел своей целью реабилитировать митрополита и предать поруганию память о владимирской попытке порвать узы греческой «игемонии».

Pамфлет против Федора вышел из определенных кругов. Не владимирцы страдали от него, его враги были там же, где и враги Андрея, — в Ростове. Там приходился по душе нерадивый и бездеятельный епископ Нестор, а энергичный, не останавливавшийся перед крайними острыми мерами для достижения своих целей «звероядивый Федор», который «без покоя пребысть и до последнего издыхания», «озлобил» «людей своих сих кротких Ростовския земля», так что бог и богородица изгнали его «от всея земля Ростовская». Весьма вероятно, что в Ростове еще сидел упорно отвергаемый Андреем Леон. По свидетельству «Жития Леонтия» («Слово о внесении телесе»), Леон жил до 1184 г., когда после его смерти («посему представлшуся Леону епископу ростовскому») был поставлен Лука⁸¹. Леон и мог приложить руку к посмертному посрамлению своего врага. Однако непосредственный «списатель» рассказа сделал все, чтобы обелить Андрея: он представлен сторонником митрополита, божественный промысел наказал Федора «рукою крепкою и мышцею высокою, рукою благочестивого царскою правдиваго и благовернаго князя Андрея». Более того, удаление Федора представлено как чудо Владимирской иконы, для прославления которой Федор сделал, конечно, много. Исследование показывает, что владимирские витии немало потрудились над аргументацией «божественного» «самовластства» Андрея, мерцавшего уже царским блеском. И почетная для Андрея интерпретация в сущности провала его борьбы за независимость владимирской церкви была лишь хорошей миной при плохой игре.

В этой связи нельзя не отметить существенного места Лаврентьевской летописи, показывающего, как реагировали во Владимире на гибель Федора. В 1185 г. произошел конфликт между Всеволодом III и митрополитом Никифором по вопросу о замещении владимирской епископской кафедры. Всеволод прочил на это место «смеренаго духом» берестовского игумена Луку, а митрополит «на мзде поставил Николу Гръчина». Однако обстановка теперь была не та, что при Андрее Боголюбском, — Всеволод был всемогущ, и митрополит быстро отозвал своего кандидата и послушно поставил угодного владимирскому князю Луку. Владимирский летописец по этому поводу записал: «несть бо достойно наскакати на святительский чин на мзде, но его же бог позоветь и святая богородица, князь въсхочеть и людь»⁸². Автор этой ремарки с сарказмом и удовлетворением язвительно цитирует здесь концовку вставки 1169 г. — памфлета о епископе Федоре: «Се же списахом да не наскакають неции на святительский сан, но его же позовет бог...». Нельзя не отметить умения владимирского летописателя использовать оружие противника против него самого.

Оценивая рассмотренную нами церковно-политическую борьбу, поднятую Андреем Боголюбским, нельзя не сопоставить ее с тем, что проис-

⁸¹ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 10. В списках ростовских епископов Леон помещен перед Лукой (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 165).

⁸² ПСРЛ, т. I, стб. 390—391.